

О МОРАЛИ И НЕЙРОФИЛОСОФИИ: ВОЗРАЖЕНИЯ ПАТРИЦИИ ЧЕРЧЛЕНД, ФРАНСУ ДЕ ВААЛЮ И ДЖОНУ СЁРЛУ

А.В. РАЗИН

Предлагаемая статья возникла в результате осмысления позиции американских философов П. Чёрчленд и Дж. Сёрла, а также известного биолога Франса де Вааля, относительно феномена сознания и некоторых проявлений нравственной жизни человека.

В докладе Патриции Чёрчленд на посвященном нейрофилософии круглом столе в МГУ им. М.В. Ломоносова 18 июня 2015 г. были представлены интересные факты о гормональной регуляции поведения, которое может быть отнесено к разряду альтруистического или морального. В частности, было показано, какими гормонами регулируется забота особей о потомстве, почему одни животные заключают длительные союзы, в то время как другие расстаются сразу же после того, как произошло биологическое спаривание. Последнее, оказывается, тоже определяется развитием определенных областей мозга. Все это рассматривается как результат эволюции и связывается с полезными в эволюционном отношении приспособлениями. По той же схеме в принципе рассматривается и поведение человека.

Однако, на наш взгляд, термин «эволюция» часто используется как универсальный метод для ответа на все непонятные вопросы. Дело в том, что для того чтобы какой-то позитивный признак, связанный со сложными формами поведения, закрепился эволюционно в структурах мозга, ему должно предшествовать устойчивое повторяющееся поведение. Иначе говоря, для того чтобы забота о потомстве закрепилась на уровне мозговых структур и гормональной регуляции, нужно, чтобы кто-то первым начал заботиться о своем потомстве, а остальные это постоянно повторяли. Что может быть основанием для такого поведения?

На мой вопрос относительно основания повторяющегося устойчивого поведения Патриция Чёрчленд ответила, что это определяется генетически. Но в таком случае получается своеобразный методологический круг: сами мозговые структуры, обуславливающие альтруизм и заботу о потомстве, фиксируются на генетическом уровне и, соответственно, генетически передаются от поколения к поколению. И генетически же обусловлено предшествующее такому эволюционному закреплению повторяющееся поведение.

Понятно, что здесь возможно требуется какое-то иное объяснение. На наш взгляд, эволюционно развиваются сначала не те структуры, которые отвечают за альтруизм и заботу о потомстве, а другие психические механизмы, обусловленные задачами ориентации, практического приспособления к действительности в смысле предвосхищения ее будущих состояний, опережающего отражения, мораль же, в своих исходных основаниях, является косвенным следствием такого практического приспособления.

Франс де Вааль в книгах «Век эмпатии», «Истоки морали» и др. приводит массу примеров альтруистического поведения животных. Его аргументация строится на том, что альтруистическое поведение доставляет приматам удовольствие. В этом смысле оно не связано с каким-то самопожертвованием, с подавлением собственных желаний или отказом от них. На этой базе он отвергает целую этическую традицию репрессивного понимания морали, которую он называет «концепцией лакировки». Она, с его точки зрения, исходит из того, что недобродетельное, плохое в человеке постепенно преодолевается за счет внешних, навязанных ему правил, которые постепенно заставляют его быть моральным.

Автор отмечает, что в настоящее время понимание человеческого поведения существенно изменилось. Нейробиологи обнаружили, что в человеческий мозг встроена способность чувствовать боль других. По оценке Вааля, многие исследователи стали понимать человека как существо сверхкооперирующееся. «В настоящее время считается, что все в человеке — и тело, и сознание, — приспособлено к совместной жизни и к заботе друг о друге и что человек от природы склонен оценивать других по нравственным критериям. Вместо того чтобы рассматривать нравственность как тонкий налет доски, теперь утверждают, что она исходит изнутри, что это часть биологии, и такая точка зрения подтверждается многочисленными параллелями, которые можно отыскать у других животных»¹.

С точки зрения автора, все это означает, что исходные начала морали были представлены и у наших предков, вот только у нас они получают большее развитие в связи с осознанием условий удовлетворения интересов, и, соответственно, можно сказать, что победила концепция «развития морали снизу».

В принципе Вааль выводит мораль из эмпатии, которая проявляется на разных уровнях. Он сравнивает эти состояния с русской матрешкой. В основе лежит способность чувствовать состояние другого и соответствовать этому состоянию, далее — забота о других (утешение), и, наконец, забота, перспективно-целевая помощь².

Способность чувствовать состояние другого в настоящее время связывается с так называемыми зеркальными нейронами, расположенными в мозге (Ризолатти). В действительности речь идет скорее не о каких-то особых нейронах, а о специфической функции мозга. Но дело не только в способностях человеческого мозга. Человек, в принципе, чувствует всем своим телом. По данным М. Хаузера: «Сразу после рождения, приблизительно в течение одного часа, ребенок, едва способный видеть, может подражать выражению лица взрослого. Подражая мимике и жестикуляции, моторная система поддерживает эмоциональную систему. Так, когда ребенок подсознательно подражает выражению лица другого (печаль это или восхищение), он невольно устанавливает сцепление между выражением эмоции и её переживанием. Следствием этого действия является то, что когда маленькие дети видят других, испытывающих специфическую эмоцию, они могут одновременно чувствовать нечно подобное. Сочувствие передается как как информация, как игра с эмоциональной меткой. Эта форма сопереживания никогда полностью не исчезает, как доказал социальный психолог Джон Барг, назвав ее “эффектом хамелеона”»³. Это уже элементарная форма сочувствия. Неморальным было бы радоваться, когда другой — в отчаянии.

Следующая возможность и следующий уровень эмпатического отношения связан с утешением. Во многих случаях это просто прикосновение к другому. Вааль показывает, что для приматов типично собираться группой вокруг того, кто, например, был наказан альфа-самцом и находится в подавленном состоянии.

Связано ли такое утешение с тем, что утешающий получает при этом какую-то радость? Думаю, нет. Скорее, он стремится к утешению другого для восстановления стабильности и привычного состояния собственной среды обитания. Во всяком случае, именно такой подход позволяет понять, как подобный механизм мог возникнуть эволюционно. Все эволюционные механизмы (даже нервные реакции) в принципе развиваются на базе колебания: нарушение равновесия, восстановление равновесия. И я думаю, именно потому годовалый или двухлетний ребенок, который еще, конечно, не способен мысленно ставить себя на место другого, обнимает плачущую мать. Он стремится вернуть среду своего обитания в привычное состояние. По существу, это чисто эгоистическое желание. Моральным оно видится лишь в глазах окружающих. Однако итог — успокоение матери — может порадовать ребенка, и в этом смысле создать основания для его дальнейшего нрав-

ственного развития уже на основе позитивной мотивации. Что касается группового поведения, то группа, в принципе, должна действовать как слаженный организм, а это возможно лишь тогда, когда все находятся в одинаковом психическом состоянии.

Наконец, самый сложный, высший тип эмпатического отношения — перспективно-целевая помощь — основан на способности мысленно ставить себя в позицию другого. На первый взгляд, такая способность выглядит загадочной. Действительно, почему я должен сопереживать другому так, как будто я сам нахожусь на его месте?

Для ответа на данный вопрос надо раскрыть природу идеального, в нашем случае — способа ориентации на основе идеального образа. Идеальное — это отнюдь не копия действительности, а способ ее опережающего отражения, основанный на том, что в сигналах головного мозга разыгрывается возможное будущее состояние реальности, отнесенное к определенному моменту времени в будущем. Из этих возможностей выбирается наиболее вероятная, которая и становится основанием для осуществления практического действия.

Применительно к поведению животных, имеющих психику, ориентация на основе идеального образа хорошо описана П.Я. Гальпериным. Смысл заключается в том, что инстинктивная связь с миром не позволяет учитывать действие в ситуации с меняющимися параметрами, например, когда приходится прыгать на жертву с разных расстояний. Здесь невозможна однозначная реакция, т.е. по существу одинаковое усилие мышц, необходимое для совершения действия, возникающая в связи с некоторым внешним раздражителем⁴. Для того чтобы иметь возможность совершать сложные движения, достигать жертву, предугадывая ее движения, прыгать на нее с разных расстояний вся ситуация должна быть предварительно разыграна в сигналах головного мозга. На основе итогов такой игры должны быть даны команды мышцам (разные в каждом конкретном случае) и эта игра по существу и составляет суть идеального.

Однако остановиться на этом — еще недостаточно для того чтобы до конца понять механизм опережающего отражения действительности на основе идеальных образов и тем более ответить на вопрос о том, что такое сознание. Важно понять, какие условия должны быть выполнены для осуществления такого способа отражения действительности, который, строго говоря, является не отражением, а опережением развивающихся в реальности событий,

оценкой вероятности того, что они наступят, и как конкретно это произойдет. Таких условий три: это, во-первых, создание представления о свойствах реальности, т.е. о том, что принципиально может произойти. Это та самая семантика, о которой говорит Дж. Сёрл, используя образ китайской комнаты. Компьютер, обладая информацией, способен давать правильные ответы на вопросы. Но он не соотносит эти ответы с реальностью. Для него, если он обладает соответствующими программами, безразлично на каком языке он получает вопросы. Но для внешнего наблюдателя это не безразлично. Соответственно, компьютер не обладает сознанием, так как не соотносит свои знания с реальным миром, но человек, обладающий сознанием, соотносит свои знания с миром. Они представлены у него в образах, которые в постоянном движении, в сравнении, в новых интерпретациях. Во-вторых, это преодоление, хотя бы в каких-то пределах, своей субъективности. Субъект должен обладать способностью смотреть на себя со стороны для того, чтобы разыграть в сигналах головного мозга наиболее приемлемый и с наибольшей вероятностью приводящий к успеху способ действия. Наконец, в-третьих, в самих механизмах такого типа опережающего отражения (на основе идеальных образов) должна быть заключена спонтанная «гипотезотворческая» (модельная) активность мозга, т.е. мозг должен обладать способностью непроизвольно вырабатывать и прорабатывать версии развития реальности, отнесенные к моменту времени в будущем, хотя в каких-то случаях он может делать это и произвольно, благодаря сознательным усилиям (у человека). Но на уровне психической организации такая «модельнотворческая» активность мозга является, в основном, непроизвольной. Соответственно, мозг человека или животного, обладающего психикой, должен обладать «гипотезотворческой», модельной природой, т.е. он должен обладать способностью произвольно предполагать максимально большое число возможных состояний мира.

Здесь раскрывается самый глубокий уровень свободы поведения человека или животного. Она — в самих механизмах регуляции поведения, совершающегося на основе идеального образа. Такое поведение не может осуществляться без опережения состояния реальности во времени, причем такого опережения, которое связано именно с разыгрыванием возможных будущих состояний мира, так как в принципе возможно и более элементарное опережение, осуществляемое за счет системы инстинктивных врожденных форм поведения, где идеальные образы не представлены.

В морально-этическом плане отсюда как раз и следует одно из важнейших оснований нравственности — реакция сострадания, которой наделенное психикой существо в принципе не может избежать. Как это ни парадоксально, для того чтобы осуществить интерпретацию мира на основе идеальных образов, например, во время охоты волка на зайца, надо поставить себя на место другого, т.е. представить себя зайцем. Эта реакция, правда, может быть вытеснена (причем вытеснена в значительной степени), другой доминантой, связанной с реализацией эгоистического интереса, агрессией, возникающей в специфических условиях деятельности, например, во время охоты, войны и т.д., но она не может быть полностью преодолена.

Разумеется, во время охоты, когда есть доминирующая цель, ни о какой морали речи идти не может. Психика, так же как и сознание, по своей природе эгоистична. Но сознание не всегда находится в актуальном состоянии. Оно может быть приглушено во время отдыха или сна, и вот тут-то мозг независимо от желания особи начинает производить моральные представления. Из того, что ты на месте другого, ты начинаешь чувствовать как другой. Тем более это относится к ситуации, когда вполне практически обусловленные механизмы психики начинают распространяться на отношение к особям своего вида, своей группы.

Таким образом, мораль в своих исходных основаниях является как бы нерастворимым остатком вполне практического, эволюционно обусловленного эгоистического поведения. Но далее, конечно, эволюционно могут закрепляться и такие структуры мозга и гормональной регуляции, которые отражают постоянство в отношениях с членами своей группы.

Дж. Сёрл рассматривает проблему сознания и морали в более общем по сравнению с П. Чёрчленд плане. Он не просто показывает, как поведение человека или животного связано с гормональной регуляцией или определенными мозговыми структурами, но пытается по-новому осмыслить процесс принятия решений, сформулировать отличную от традиционной концепцию рациональности.

К теме сознания Сёрл обращается во многих работах, этой же теме была посвящена его лекция, прочитанная на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и впоследствии опубликованная.

Свою позицию Сёрл называет «биологическим натурализмом». Он противопоставляет ее, с одной стороны, сверхприродным явлениям, связанным с представлениями о бессмертной душе, с со-

единением этой души с телом, с другой стороны — материализму. Последний он упрекает в редукционизме, в объяснении фактов по принципу физической теории, в которой преодолевается субъективность. «В случае сознания факты — это нередуцируемая качественная субъективность, единая и наделенная интенциональностью»⁵. Но фактически Сёрл критикует здесь не материализм, а бихевиоризм, пытающийся объяснить сознание через действие и поведение.

Вопрос заключается в другом: можем ли мы объяснить субъективность в объективном смысле, так же как мы, скажем, можем объяснить движение Земли вокруг Солнца, цвета радуги, движение электронов и т.п.?

Сёрл считает, что нет, так как сознание принципиально нередуцируемо: «Сознание реально и нередуцируемо. Вы не можете избавиться от него. Нормальная схема научной редукции по образцу той, что известна из физики, предполагает различие иллюзии и реальности. Вы не можете произвести эти различия для самого сознания, так как в случае сознания иллюзия и есть реальность. Если у вас есть иллюзия вашего сознания, то вы сознательны»⁶.

В то же время Сёрл признает, что сознание — не эпифеномен. Оно важно для человека в том смысле, что выполняет какие-то особые функции, в частности, оно казуально функционирует, т.е. благодаря сознанию, человек может запустить процессы, происходящие в его теле, например, он может произвольно поднять руку (пример Сёрла). Следовательно, над той биологической реальностью, которая относится к нашим мышечным движениям и другим проявлениям телесных состояний, скажем просто, состояниям эмоционального возбуждения, надстраивается другая реальность, которая этой первичной (телесной) реальностью управляет. Сёрл по существу не видит здесь ничего особенного. Для него это в принципе одна и та же биологическая реальность, представленная в разных способах описания: «Движение моей руки вверх может получить нейробиологическое описание в терминах нейромедиаторов и их воздействия на ионные каналы в мышечных волокнах. А другим уровнем описания было бы сознательное ментальное событие, вызывающее указанное движение руки. Это не два конкурирующих события. Это одно и то же событие с разными уровнями описания»⁷.

Но совершенно ясно, что при таком подходе просто спутаны две очевидные вещи: инстанция, которая принимает решения, и инстанция, которая их исполняет. И та и другая реальность —

биологическая. И та и другая предполагает нейродинамические взаимодействия, и все же разница между ними очевидна.

Создавая представления о будущих состояниях мира, что, как уже отмечалось, неизбежно при ориентации на основе идеальных образов, мы используем прошлый опыт, представления о том, что в принципе возможно в нашей реальности, и свой собственный феноменальный опыт, который сам по себе влияет на синаптические взаимодействия, на рост нейронов, но это ни в коем случае не отрицает той свободы, которая заключена в «гипотезотворческой» активности мозга. Отсюда ясно, что существо, ориентирующееся на основе идеальных образов, представлено в собственной мозговой ориентационной активности и как наблюдатель, и как наблюдаемый, и как субъект, и как объект. При этом человек, обладающий развитым сознанием, способен создавать идеальные образы, отнесенные к долгосрочной временной перспективе. Сёрль же фактически не различает понятия сознания и психики.

Только такое понимание идеального показывает, зачем в принципе нужно удвоение реальности. Такое удвоение отнюдь не простая копия реальности (как, например, ее фотография), а именно представление о ее будущих состояниях. Таким образом, идеальное — это по существу смысл той игры, которая разыгрывается в сигналах головного мозга, и дело не изменяется от того факта, что, с точки зрения мозговых сигналов, сама эта игра абсолютно материальна.

Что же касается того, почему взаимодействия нейронов головного мозга, порождающие сознание, окрашены субъективным смыслом, то это связано с тем, что придание такого смысла — по существу единственный способ классификации событий на более или менее значимые для индивидуальной жизни, в том числе для реализации сценария жизни в отдаленной временной перспективе. Для этого важен весь прошлый феноменальный опыт, классифицированный во временных параметрах. Сделать это без придания событиям эмоциональной окраски вряд ли возможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вааль Ф. де. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. — М.: Альпина-нон-фикшн, 2014. С. 67.

² См.: Waal F. de. The Age of Empathy. — N. Y.: Harmony Books, 2006. P. 187.

³ Хаузер М.Д. Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. — М.: Дрофа, 2008. С. 69–70.

⁴ См.: Гальперин П.Я. Введение в психологию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.

⁵ Сёрл Дж. Как можно решить проблему сознание – тело. – М.: Идея-Пресс, 2014. С. 39.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 29.

REFERENCES

Galperin P.Ya. Introduction to Psychology. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 1976. 479 p. (in Russian).

Searle J. How Is It Possible to Solve the Mind – Body Problem? Moscow, Idea-Press. 108 p. (bilingual edition).

Waal F. de. The Age of Empathy. N.Y.: Harmony Books, 2006.

Waal F. de. The origins of morality: Finding of human in primates, Moscow, 2014. 394 p. (Russian trans.)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы возникновения морали, показывается, что для того чтобы какие-то альтруистические формы поведения были закреплены эволюционно в структурах головного мозга и гормональной регуляции, этому должно предшествовать повторяющееся поведение, часто обусловленное иными, не закрепленными еще генетически основаниями. Рассматривается также позиция Дж. Сёрла по вопросам сознания. Показывается, что Сёрл фактически не различает понятий «сознание» и «психика», а также не может объяснить, почему нейродинамические процессы, связанные с реализацией сознательных функций приобретают субъективный смысл.

Ключевые слова: мораль, мозг, сознание, ориентация, идеальное, свобода, эмоция, действие, альтруизм, эгоизм.

Summary

The article deals with questions of moral origination, it show that conditions for reflection of many altruistic behavior forms in the evolutionary developed brain structures is the repeating behavior that itself does not conditioned exclusively by genetically bases. The author also discusses the position of J. Searle about consciousness. It is shown that Searle in fact does not distinguish between the concepts of consciousness and psyche, and cannot explain why the neural processes associated with consciousness function realization acquire subjective meaning.

Keywords: morality, brain, consciousness, orientation, ideality, freedom, emotion, action, altruism, egotism.